

Елена Орлова

***

В короткий срок, пока цветёт она,
Не встретишь утончённое и краше:
Фиалковое, лунное, лебяжье,
Вся — розовость и вся — голубизна!
А дальше год за годом, вновь и вновь
С ней происходит всё одно и то же -
На роковую первую любовь,
На раннее безумие похоже.
Цветенье завершается - и вдруг
Лиловых лепестков не сыплет ветер,
Но ржавчина, покрывшая соцветья,
Отслаиваясь, сыплется вокруг.
Остался позади солнцеворот,
К земле нагнулись яблони и вишни,
Ей кажется, она ещё цветёт,
И остовы соцветий тянет выше.
Ей снится голубиная весна,
Когда побегам радовалось тело.
Пришёл октябрь, она не пожелтела,
Напыщенно и грубо зелена.
Покрылась снегом прелая трава
Шуршат во мгле мороженые листья.
Лиловый снег цветами лёг на кисти,
Ей кажется — она ещё жива.
Чем суше снег, чем звонче скрипы льдов,
Тем в памяти у ней светлей и жарче,
И не найти уродливей и жальче
Похожих на опарыши плодов.

***

Обречённая чайная роза цветёт у дороги,
Вспыхнет бледный бутон и безвременно гаснет в пыли.
Что хочу от неё? Помолчать о судьбе и о Боге,
О жестокой неправде цветеньем объятай земли.
Неужели на страшном суде станут спрашивать строго
За какой-нибудь пепел Освенцима в детской горсти,
И не спросят за то, что шоссе́нная эта дорога
Пролегла, где замученный куст порывался цвести?
Соблазнительна прелесть подсвечивать пафосом лишним
Невозможность спокойно и мудро судить о простом,
Соблазнительно путать пещерную ненависть к ближним
С поэтической дрожью над всяким зачахшим кустом.
Я такая как есть! Без претензий на искренность позы.
Изуродовал душу шипастый хтонический страх.
Боже, что ты творишь, зажигая цветистые звёзды
В отягчающих мёртвую тьму пылевых облаках?

* * *

Я мёртвого камня, сменившего снег,
Не помню такого.
Не может земля расцвести по весне
В бетонных оковах.

И пахнет весна в наш резиновый век
Всё горше и горше.
Планета, с которой исчез человек,
Мне нравится больше.

Сказав, что беду не хочу отвести,
Ну, чем я рискую?
Лишь тем, что трава не захочет расти,
По людям тоскуя?

Я знаю – в канун мировых катастроф,
Мечте потакая,
Растёт где-то между пророческих строк
Осока такая.

А мяту, чьей свежестью в будущем след
Зарос человечесий,
Прошу передать мой сердечный привет
В безлюдную вечность.

* * *

Вроде всё хорошо, но немного не так,
Лёгкий сумрак сквозит по душе.
Восьмиклассник прыщавый
заходит «ВКонтакте»,
Баба толстая смотрит в планшет.

Может, я не права, может, всё – ерунда,
Может, мысли мои невпопад.
Только Ржевский поручик упал со стыда,
Заглянувши в девичий айпад.

Виртуальная тьма импонирует мне,
В гуще форумов прячется тень.
Не Коперник ли снова сгорает в огне
На кострах социальных сетей?

Змей коварный проплыл в электронной воде,
В кроне сайта повис на хвосте.
Усложняется мир, но паденье людей
Неизменно в своей простоте.

***

Я был только тем, чего
ты касалась ладонью...
и.б.

Был сотворён по образу и подобию,
Мог лицезреть создателя всякий час...
Я подошла, небо закрыв ладонью,
Потной руки моей не оттолкнул от глаз.
Я повела рукой — шея, ключицы, плечи,
Губы легко разъял вдоха тревожный звук,
Так взбунтовалась плоть, дух навсегда калеча,
Дальше — рука в руке, больше — блужданье рук...
Злая, воронья ночь, бледного дня усталость...
Образ, подобье? Где? Тело едва влача,
Сделался только тем, тем, чего я касалась,
Что натворила я, ветрена, горяча...
На ухо зашепчу — раковина какая!
Что не дохнёшь в неё — глупость, кокетство, бред,
Жадно песчинки слов смыслами облекая,
Жемчугом возвратит всё, в чём значенья нет.
Слушаю голос — он режет острее бритвы,
Влажная полость рта пущена в оборот
И порождает вздор страстный взамен молитвы,
И соловьём поёт окровавленный рот.
Знал бы, дурак, чего в сумерках различала
Я где-то там внизу, глядячи с высоты:
Денег и перспектив не разглядев сначала,
Некуда деть глаза - вглядывалась в черты.
Сбудется всё — потоп, войны, столпотворенье,
Брошенный в бездну шар крутится не спроста.
Так не творят миры. Это грехопадение —
Первый железный гвоздь, вбитый в ладонь Христа.

***

Мне май запомнился один
Своей весёлостью беспштанной.
«Ну, не цветы! Ну, пощади!» —
Вымаливала у каштана.

Доселе дух мой поражён
Его цветением у морга.
Вспоров пространство, как ножом,
Уходит в небо крик восторга.

Роса в соцветиях дрожит,
В нектар чумная муха влипла.
Смогу ли в мае пережить
И розы чайные, и липы?

Спускаюсь, сажаю бела,
В какую тьму, что света ярче?
«О, не цветы!» — у липы клянчу,

И отступаюсь.
Зацвела...

* * *

Свечка рублёвая, древняя чудо-икона,
Всадник, блестящий доспехами из серебра.
Вечный сюжет – торжество мирового добра,
Топчет копытами конь богатырский дракона.
Свечку затеплила, руки в карманы засунув,
Тихо в карманах пошарилась. Дьявол возьми!
Десять копеек. На реверсе всадник и змий.
На образах и монетах единый рисунок.
Брошу монетку, пускай надоумит лукавый!
Выпал орёл, и темнеют от страха глаза.
Свободомыслие спущено на тормоза,
Вот он парит надо мной, беспощадный, двуглавый!
Я поклонилась тому, кто в доспехи закован.
Тезисы решки – все десять! – воскресли в груди,
Там – не убий и у ближнего не укради,
И не любуйся святым с почерневшей иконы!
Внешнее зло – это сказки взбесившейся черни.
Зло одолел копыеносец, но лично своё.
Так ли оно? И проткнуло мне сердце копьё!..
И рассмеялся святой в полумраке вечернем.

***

Мозг не циклится на грешном,
Нимб сверкает ярко-бел,
Пресс качаю я, конечно,
Маникюр мой так себе.
А приёмов уйма разных
К совершенству самому:
Нацепить на ногти стразы,
Расписать под Хохлому.
А когда заняться плотно,
То возможны чудеса,
И под Рембрандта полотна
Лак растрескается сам.
Я нездешних тем наследник,
Мысли стройны и тихи,
Принесу на суд последний
Откровенные стихи.
Улыбнётся ангел гордый
Низверженью мелкой лжи...
Мне стихами (хопа!) в морду:
"Ну-ка ногти покажи!"

***

— За «Шардонэ» — заплатит дама...
Я согласилась:
— Не вопрос!

А на закуску
маасдама
Он — мимо кассы —
так
пронёс.

В кармане шорт упрятал
разве,
Или ещё не знаю
где?..
Неприхотливая
на связи —
Я привередлива в еде.

Но счастья нет
без нервотрёпки,
Нема без копоты
огня:
Таки видали
с отерёбком
У супермаркета
меня!
Не пожелаю даже
волку
Последствий
дня, что так прошёл.
А ночью мы пошли
на Волгу —
И там
купались
голышом.

***

Мы идём при луне. Лишь чуть-чуть рассвело.
Я надела манто и ботфорты.
Доча едет на мне — все пятнадцать кило
Ангелятины высшего сорта.

Будь постарше она, задала бы вопрос,
На своих однокашников глядя:
Почему в детский садик её не отвёз
В чёрном бумере мамочкин дядя?

Может, мамин makeup непростительно прост?
Может, мама одета не броско?
А иначе с чего это ей довелось
Кувыркаться с таким отморозком?

Ну порвал ей две пары модельных трусов,
Ну купил ей бутылку Samragi.
Да и нужен-то был — так, на пару часов,
Только веничком в баньке попарить.

Только где же он дрыхнет в такой гололёд?
И кого он разбудит, икая
И не ведая: ангела в садик несёт
Этим утром мамаша такая?

* * *

Верит Йохан давно в справедливую вечную кару.
А при жизни не верил, и мёртвый по первости тоже!
Йохан знает уже, что Моллеус-то Молификарум
Был написан рукой, подвизаемой верой потвёрже.
Вспомнил Йохан свою чистокровную прапрапрабабку,
Что сушила вербену и вешала жаб в дымоходе.
Добрый фюрер шутил: волшебство,

мол, - старушечьи

байки!

Йохан фюреру верил и храбро сражался в походе.
Вспомнил он «Капитал», восхваляющий золото с медью,
А для скорбного духа отведший вторичное место,
Вспомнил жест инквизитора с криком
«Утопимте ведьму!»

И проклятый «Зиг хайль!» с тем же самым
мистическим жестом.

И чего же не вспомнишь, блуждая один год за годом
По изнанке истории новой, и средней, и древней!
И старуху, что так управляла московской погодой,
Что блицкриг буксовал под её подмосковной деревней.

Если Йохан бы мог в сорок первый опять воротиться,
Не клеймил бы себя чёрной свастики древним узором.
Но признаюсь и я, с этим неупокоенным фрицем
Потужить о былом не считаю поступком заторным.

* * *

Тихо в затуманенном лесу,
Холодней становятся рассветы...
Грустно, как потёртую джинсу,
Город мой донашивает лето.

Не прогнать светильниками мглу,
Не согреть в меху «гусиной кожи».
Хочется столкнуться на углу
С Тем, кого на свете «быть не может».

Этой встречи ждать не надоест,
Ждать её почти уж невозможно -
Я навстречу выйду, словно крест,
На спину взвалив хоть столб дорожный.

Лёгкий груз тревожных, светлых дум,
Чёрствый хлеб с медовым вкусом яда!
Лишь бы тот, по чьим следам иду,

Обернулся вслед усталым взглядом.

***

Потянул ветерок, тяжелеет под вечер прохлада
Этим сереньким, низеньким, к ночи слабеющим днём.
Над воротами церкви горит, не мигая, лампада
Электрическим мёртвым огнём.

Предпочтительней всё ж, если миру грозит поражение,
И у древних светильен гореть не останется сил,
Чтоб не выбило пробки внезапным скачком напряжения,
А заплаканный ангел подул и фитиль загасил.

Впрочем, можно и так, антикварных деталей не жаль мне,
У больных фотофобией к тьме нечувствителен страх.
При старинных светильниках в ужасе тени дрожали,
А сегодня подстанции в сумрачных держат руках.

Не помеха для них и церковная эта ограда,
Если серенький день разрешится тяжёлым дождём —
Заискрят провода, и тогда замигает лампада
Электрическим мёртвым огнём.

***

"Не выползай на блестящий огнями берег,
Вдоль побережий Евразии, двух Америк
В старых коллекторах, на полигонах свалок
Снова и снова находят тела русалок.
Старая сказка имеет сюжет единый:
Принца проносят волны в глазах ундины
На надувном матрасе, бревне, пироге,
Дальше — подпольная смена хвоста на ноги,
После сердечной муки, болей, абсцессов
(Принцы, как водится, женятся на принцессах)
Тяжко хромая, тащит русалка горе
В грязный фонтан на площади или в море.
Впрочем, интрига может пойти двояко:
Лакома плоть русалочья для маньяка!
Или, напротив, многие жизни канут,
Кто — на морское дно, кто — на дно стакана.
Песня русалочья не предвещает счастья..."

Всё интереснее, чем на волнах качаться!
Сердце наружу рвётся, ломая рёбра,
Что-то блестит в ресницах огнём недобрым.
Близится ночь клубничного полнолуния,
В гроте у дальних скал заждалась колдунья.
Только бы ноги! Только б у ведьмы вышло!
И безразлично всё, что... (смотрите выше)